

„отписывавшего“ на великого князя ярославские земли.¹ Шахматов сопоставил это известие с житийным рассказом, сохранившимся в Софийской II и Львовской летописях, о том, как ростовский архиепископ Трифон усомнился в святости обретенных в 1463 году мощей, но, чудесно наказанный за свое неверие, оставил в 1467 году архиепископство, поселился в том самом монастыре, „идеже святыи чудотворцы лежат, и ту пребысть плачяся и до смерти своея“.² „Не забудем, что это случилось только в 1467 году, — заключает А. А. Шахматов; — следовательно, в 1463 году летопись при Ростовском владычном доме могла с иронией и недоверием отозваться о ярославских мощах; приведенный выше текст даже прямо ведет к такой летописи, так как вряд ли в другом месте, кроме архиепископского дома в Ростове, сомневались в ярославских чудотворцах“.³

И это доказательство не представляется нам достаточно убедительным. Отметим прежде всего явную непоследовательность в рассуждении Шахматова: принимая с доверием приведенный выше житийный рассказ, он должен был бы считать, что после 1467 года в ростовском своде уже не могли сохраняться кощунственные насмешки по адресу ярославских чудотворцев; между тем указанное место читалось, по его предположению, в своде Вассиана — преемника раскаявшегося Трифона по архиепископии. Уместна ли была такая насмешка в архиепископской летописи? Не чувствуется ли в известии 1463 года (высмеивающем самое понятие чудотворства) скорее светская рука — рука человека, позволявшего себе критические замечания по адресу великокняжеского наместника, но весьма иронически относившегося и к последним ярославским князьям и к местным святыням?

Приведенные места не дают, таким образом, по нашему мнению, достаточного доказательства того, что протограф Ермолинской летописи был „почти тождественен с Ростовским владычным сводом“.⁴ Между тем, этими двумя известиями, в сущности, и ограничивается А. А. Шахматов, доказывая связь протографа Ермолинской летописи с Ростовом. Как мы уже отметили, никаких специально ростовских известий в Ермолинской летописи не обнаружено. Больше того, в этой летописи нет даже таких фактов из истории Ростова, которые встречаются в других сводах: например, известий о последних ростовских князьях, о поставлении и смерти упомянутого выше архиепископа Трифона и т. д.⁵

Но если тождество Ермолинской летописи с Ростовским владычным сводом представляется нам недоказанным, то совсем уже сомнительно другое предположение А. А. Шахматова — о том, что Ростовский владычный свод был общим источником, к которому, наряду с Ермолинской летописью, восходили и некоторые другие летописи. Необходимость существования такого общего источника выводилась Шахматовым из того обстоятельства, что начиная с 1425 по 1481 год (6933—6989) текст Ермолинской летописи близок к тексту Новгородской IV летописи по Хронографическому списку (в дальнейшем: Новг. Хрон.), к тексту

¹ ПСРЛ, XXIII, стр. 157—158.

² ПСРЛ, VI, стр. 186—187.

³ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись... стр. 20.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 146.

⁵ Отсутствие общих известий между различными редакциями Ростовского владычного свода отметил и Шахматов („Обзорение... стр. 293—294). Не читаются в Ермолинской летописи и те ростовские известия, которые содержатся в Московско-академическом списке Суздальской летописи, представляющем собой, по мнению Шахматова, отражение ростовского свода архиепископа Ефрема („Обзорение...“, стр. 225—226).